

Глава 2. Второй аксолотль

Путешествие Двенадцати Юаней — настоящего чуда природы — началось в тот самый миг, когда его запечатали в посылку и отправили по воле волн к истокам нашей истории.

К этому времени малыш просидел в коробке целых тринадцать дней.

Обычно живой груз доставляют за три-четыре дня. Ни одно нормальное существо не способно выжить, будучи запёртым без еды и воды в картонной коробке, да ещё и в пластиковом пакете, где давно кончился кислород.

Тем более что по одному виду этой посылки было ясно: прежде чем упасть в воду, она прошла через сущий ад.

Наступил конец света.

Таинственный катаклизм в одночасье стёр человечество с лица земли. Прежде чем суша и города содрогнулись, уходя под воду, апокалипсис нанёс сокрушительный удар по всему живому.

И что самое важное, мир сейчас находился лишь на первой стадии своей гибели.

Обычно после массового вымирания видов планету ждёт долгий, мучительный переход от хаоса к возрождению. Этот путь делится на четыре чётких этапа: период хаоса, период мутаций, период размножения и, наконец, День возрождения.

В биологии эти эпохи эволюционных скачков порой называют малым ледниковым периодом.

Согласно хроникам, последний малый ледниковый период в истории Китая пришёлся на закат династии Мин.

В те тёмные времена император Чунчжэнь оказался зажат в тиски маньчжурским войском. Страну раздирали междоусобицы, земля была усыпана трупами умерших от голода. Но люди тогда столкнулись не просто с войной — они встретились лицом к лицу с климатическим кошмаром.

Малый ледниковый период — это резкие, непредсказуемые скачки температур. Погода сходит с ума, а вслед за ней рушатся государственные устои. Правительство Мин, как ни пыталось спасти империю, оказалось бессильно перед лицом природы. Катаклизмы погрузили сушу и океаны в хаос, растянувшийся на десятилетия истинного упадка.

Источники утверждают, что тогда население Китая сократилось почти на девяносто

процентов. При этом численность диких животных и растений, напротив, необъяснимым образом возросла.

Если бы тот период хаоса не завершился быстрее, чем это обычно бывает при глобальных катастрофах, человечество познало бы конец света гораздо раньше.

Период хаоса стал первым и самым суровым испытанием для уцелевших обитателей Земли. Чтобы выжить в грядущей эволюционной буре, животные были вынуждены лихорадочно пожирать всё подряд, нагуливая жир.

Именно такая картина разворачивалась в устье Жемчужной реки, на границе с морем — в таинственной зоне Океанического фронта.

Первая волна апокалипсиса уже выкосила большинство видов. Безумные колебания дневных и ночных температур добивали теплокровных животных, чувствительных к холоду.

Поскольку приток пресной воды здесь превышал объём морской, устье Жемчужной реки превратилось в аномальную нейтральную зону. Это неизбежно спровоцировало вторую волну вымирания.

Вдобавок из-за замедления вращения Земли сутки растянулись до предела. Долгие полярные ночи лишили флору и фауну возможности нормально дышать и развиваться.

Эти три фактора не просто уничтожили местных обитателей — они разорвали остатки экологических цепочек. Немногие выжившие особи оказались рассеяны так далеко друг от друга, что больше не могли размножаться.

Поскольку короткоживущие членистоногие и мелкие рептилии вымерли первыми, планета в одночасье лишилась своих главных утилизаторов. Некому стало разлагать органику, и базовый круговорот веществ на Земле попросту остановился.

Двенадцать Юаней, будучи домашним аксолотлем, сумел пережить таинственное исчезновение людей в своей картонной броне. Однако на что способна эта декоративная амфибия в дикой природе? Даже учёные при жизни человечества не имели об этом представления.

Даже если бы коробку не унесло в открытое море, на Океаническом фронте бедолага был обречён сгинуть вместе с остальными видами на пороге периода мутаций.

Картонный ящик с помятыми боками явно пережил немало сильных ударов. Клейкая лента размокла и лопнула. Сквозь рваную щель внутрь завывал ветер, но хуже всего было то, что на дне коробки проступали тёмные пятна крови.

Эта кровь пахла рыбой, а её края уже почернели.

У здорового аксолотля кровь нежно-розовая, богатая белками и железом. В неволе эти крошечные существа часто гибнут от сепсиса при малейшем повреждении кожи. Тёмная жижа на дне не сулила ничего хорошего: скорее всего, в пути Двенадцать Юаней получил смертельные раны и испустил дух.

Но смерть не всегда забирает своё. В великом хаосе угасания природа безжалостна, но абсолютно беспристрастна. У стихии нет разума, у Земли нет любимчиков. Бедствие обрушивается на всех одинаково.

Поэтому выживание вида редко зависит от умения летать, быстро плавать или крушить врагов мощными челюстями. В конце концов, великие тираннозавры канули в небытие, а невзрачные юрские грызуны сумели пережить планетарную катастрофу. Размер и сила — плохие союзники в эпоху великого перелома.

Главный фактор выживания — это чистая, незамутнённая удача.

Именно она становится той самой погрешностью в уравнении неотвратимой гибели. И дело не в том, что вселенная вдруг решает подыграть избранным. Природе чужды жалость и восторг. И всё же некоторым существам выпадает один шанс на миллиард. Они вытягивают счастливый билет и превращаются в невозможное, сияющее чудо.

Словно из всех миллиардов созданий Земля выбрала именно это — просто потому, что оно оказалось самым очаровательным. Возможно, планета действительно поддалась какому-то необъяснимому порыву, решив подарить крошечной розовой крохе право на жизнь.

Существует ли в действительности существо, удостоенное столь великой милости лишь за свою миловидность? Ответа мы пока не знаем.

Но тишину Океанического фронта, укутанного вечным туманом, внезапно нарушил стук. Приплывшая из глубины материка коробка уткнулась в берег.

Вслед за первым чудом — чудесным спасением самой посылки — последовало второе.

Уцелевший в тринадцатидневном скитании ящик плавно покачивался на двухцветной глади воды, пока мягко не наткнулся на препятствие. Впереди показалась странная отмель.

Это мёртвое, безмолвное место казалось выжженным вакуумом. В вышине не кружили птицы, лишь густой, удушливый туман стлался над пустынным берегом. Пахло гнилью и аммиаком — естественное следствие катастрофы. Огромное количество погибших животных опустилось на дно Жемчужной реки. Вода стремительно теряла кислород, а из-за исчезновения бактерий-разрушителей этот зловонный шлейф обещал отравлять воздух ещё года три, а то и пять.

И всё же на стыке Дунгуаня и района Наньшай уцелел нетронутый песчаный пляж. Своеобразный потерянный рай посреди мёртвой планеты, скрытый от чужих глаз.

С глухим шлепком полусгнившая коробка, похожая на пустую раковину рапана, вылетела на мокрый песок под натиском очередной волны.

Тут же случилось третье чудо.

От сильного удара размокший картон лопнул окончательно. Наружу, описав в воздухе изящную дугу, вылетело нечто розовое, длиннохвостое и четырёхлапое.

Спустя мгновение «любимый сын Земли» застыл в весьма живописной позе: одна задняя лапка победно торчала в зенит, а голова и всё остальное тело ушли глубоко в прибрежный песок.

Двенадцать Юаней: «...»

Да, он выжил.

Невероятная живучесть аксолотлей была расписана во всех красках ещё на странице товара на Таобао. Но если раньше, сидя в домашнем аквариуме, Двенадцать Юаней удивлял хозяев лишь забавным подражанием человеческой речи, то теперь произошло нечто запредельное. Перенести заражение крови, размозжить череп в пути и восстать из мёртвых — это граничило с истинной фантастикой.

Пусть его приземление выглядело комично, «любимчику вселенной» сейчас было не до смеха. Лапки крохи, истощённой тринадцатью днями голодовки и удушья, мелко дрожали в судорогах.

И всё же он жил. Двенадцать Юаней, элитный розовый аксолотль, купленный на распродаже со скидкой, цеплялся за бытие изо всех сил. Стоило волнам выбросить его на берег, как его крошечный разум очнулся от затяжного анабиоза.

Осмотревшись, малютка понял, что оказался единственной живой душой на этом берегу. Зато всё остальное пространство пляжа было завалено бесчисленными посылками всех форм и размеров — их скопилось здесь едва ли не больше, чем на крупном сортировочном узле.

После наступления конца света застрявшие на складах и таможнях Гуандуна грузы оказались в море, и девяносто процентов из них приливом принесло именно сюда.

Чего здесь только не было! Брошенные, но явно принадлежавшие состоятельным дамам сокровища лежали живописными горами. От лакомств вроде орешков «Три белки», пирожных

с яичным желтком и острых куриных лапок до элитной косметики и одежды от Lancôme, Estée Lauder, Prada и Givenchy.

Ярко-красный коробок с логотипом SK-II нагло придавил нашего Розоволосого, словно мстя за всех обманутых модниц провинции. Не имей эта безымянная коса названия, её стоило бы окрестить Островом счастья Джека Ма или Островом «Богатая дамочка, содержи меня».

Увы, изобилие едва не погубило Двенадцать Юаней вторично. Погребённый под тоннами чужого шопоголизма, аксолотль начал задыхаться.

Он отчаянно сучил крошечными лапками, но груз народного потребления давил сильнее, превращая бедного аксолотля в подобие Сунь Укуна, заточённого под горой Пяти Стихий.

Подобное упорство и жажда жизни редко встречаются у неотенических личинок, обречённых до конца дней оставаться в младенческом теле. Мозг любого земного детёныша — будь то человеческий младенец или малёк — обычно занят лишь двумя вещами: едой и играми. Аксолотли достигают зрелости за год, и нашему трёхлетнему герою по статусу полагалось думать исключительно об этих нехитрых радостях.

Наверное, матушка-Земля в глубине души была сентиментальной любительницей розового цвета. Иначе как ещё объяснить спасение этого крохотного чуда вопреки всем законам физики и биологии?

Никто уже не узнает, какие ужасы он перенёс за тринадцать дней заточения и как его хрупкий организм справился с голодом и жаждой. Однако суровый постапокалиптический мир оставил на нём свой след. Способность к регенерации, заложенная природой, под воздействием неведомых сил превратилась в нечто куда более странное.

Малыш, появившийся на свет тридцать первого января, тяжело выдохнул и принялся усердно разгребать песок передними лапками. В этот самый миг на пустынном берегу зародилась новая веха эволюции.

Собрав последние силы, он изо всех сил рванулся вперёд, отталкиваясь задними лапами и длинным розовым хвостом. Это не походило на вялое поведение домашнего питомца, ждущего кормёжки с пинцета. Апокалипсис заставил Двенадцать Юаней повзрослеть.

Опираясь на мокрый песок, он миллиметр за миллиметром вытаскивал голову и внешние жабры наружу. Наконец, явив миру неожиданную для своего размера силу, аксолотль вырвался из плена. По инерции его отбросило назад, и розовый комочек покатился по склону к самой кромке воды.

Не обладай он феноменальной живучестью, была бы беда. Океанический фронт коварен, а Двенадцать Юаней — пресноводное существо. Упади он в солёную бездну, спастись бы уже не удалось. Отрезанный от остального мира пляж стал его временным убежищем, покинуть

которое самостоятельно он не мог.

И именно в этот момент миру открылась тайна его преображения.

Лёгкий ветерок взъерошил макушку выжившего малыша. И там, где раньше красовалась гладкая розовая кожа, вдруг обнаружились...

Волосы.

Густая розовая шевелюра аккуратно обрамляла его шесть жаберных лепестков, ложась очаровательным каре и слегка прикрывая крошечные глазки-бусинки. С виду он по-прежнему оставался аксолотлем, но теперь напоминал преданного фаната аниме в ярком парике.

Трёхлетний представитель новой фауны Земли недоуменно захлопал глазами:

— Ме-а?

Этот растерянный писк, столь свойственный младенцам, выдавал в Двенадцати Юанях чистокровного уроженца Гуандуна, не знавшего иных слов.

Освободившись от песка, новоявленный обладатель каре приоткрыл беззубый рот. Он скосил глаза к переносице, пытаясь рассмотреть свисающую на лоб чёлку, отчего стал выглядеть на редкость глупо. Набрав в лёгкие воздуха, аксолотль изо всех сил дунул вверх.

Мягкие розовые пряди взмыли в воздух и плавно опустились обратно на его озадаченную мордочку.

Двенадцать Юаней опешил ещё сильнее:

— Ме-а?

Шок был настолько велик, что розовый обладатель каре застыл на месте, словно изваяние. Он окончательно перестал фокусировать свой обычно «осмысленный» взгляд. Очевидно, малыш пытался переварить тот факт, что за тринадцать дней комы превратился в неведомого мутанта.

Впрочем, глупенький аксолотль мало что соображал в эволюции и уж точно не помнил событий последних двух недель. Загадка появления причёски оставалась для него неразрешимой.

Но если таинственный катаклизм смог стереть с лица земли доминирующий вид, то превратить лысого аксолотля в обладателя стильной стрижки для природы было сущим пустяком.

В многовековой истории нашей планеты существовало лишь одно существо, лишённое тёплого подшёрстка, но обладавшее роскошной шевелюрой на макушке. Представители этого вида обычно начинали терять волосы к зрелости, а некоторые бедолаги лысели ещё в юности. Наш малыш был слишком мал, чтобы разделить их горькую участь.

Имя этому виду — человек.

Двенадцать Юаней человеком не был и прекрасно это понимал. И всё же обычный аксолотль обзавёлся настоящей причёской. Возможно, он действительно стал самым балованным любимцем угасающей Земли.

Даже до его заторможенного разума начало доходить: ему чертовски повезло. Удача не только спасла его от гибели, но и наградила атрибутом исчезнувших хозяев планеты.

Вселенная стёрла старый мир, оставив его в живых. Подобно тому как динозавры когда-то переродились в птиц, а древние сухопутные киты ушли в океанские пучины, этот день ознаменовал начало великого и таинственного пути. Никто не мог предугадать, что эволюция выжившего аксолотля начнётся именно с волос.

Сейчас ему требовались не просто еда и вода. Ему нужно было то, что поможет освоиться в изменившемся мире — базовое снаряжение выживальщика. Способность учиться и приспосабливаться, чтобы не остаться беспомощной игрушкой, ждущей корма с пинцета.

В крохотной розовой голове впервые зашевелились философские мысли:

«Кто я? Где я? Откуда взялись эти волосы? Неужели моё имя действительно Двенадцать Юаней? И если так, то как мне выжить? Смогу ли я сам творить свою судьбу?»

Пока наш недалёкий, но Розоволосый предавался экзистенциальным размышлениям, очередной волной на берег выбросило ещё одну коробку. Она с глухим стуком приземлилась прямо перед двенадцатисантиметровым розовым чудом.

На разорванном упаковочном скотче красовался силуэт огромной квадратной чёрной кошачьей головы — такой же глуповатый с виду, как и сам виновник торжества. Из порванной пены выкатился угловатый прибор, созданный человеческим гением.

Мощный динамик этого устройства некогда мог вещать на всю дельту Жемчужной реки. Оно умело воспроизводить музыку и, что важнее всего, говорить на понятном Двенадцати Юаням кантонском диалекте. На квадратном основании крепилось гнездо для зарядки, а рядом валялась инструкция с чёткими иероглифами:

«Тмолл Цзиньлин».

Двенадцать Юаней: «...»

Спустя пятнадцать минут на Острове счастья Джека Ма раздалось первое шипение включившегося умного динамика.

Если взглянуть со спутника, сине-зелёные воды Океанического фронта слегка колыхнулись. Огромный песчаный берег, усыпанный тысячами картонных коробок вместо ракушек и гальки, казался памятником ушедшей эпохе.

Но щедрая земля Гуандуна взрастила этого аксолотля не зря. С рождения в его венах тлела искра истинного южного оптимизма и несокрушимой воли к жизни. Даже посреди руин цивилизации этот розовый малыш, лёжа пузом на «Тмолл Цзиньлин» и лениво покачивая хвостом, жаждал знаний.

Куда делись люди — ведал лишь пустопорожний мир. Но Двенадцать Юаней искренне любил свою родину и местное наречие. Он был истинным гуандунцем до кончиков лап.

«Гуандун, ради тебя я выживу во что бы то ни стало!»

И под свинцовым небом устья Жемчужной реки зазвучала старая песня из восьмидесятых годов, некогда покори́вшая сердца миллионов:

— Один неверный шаг — и жизнь разбита...

— Ловлю я рыбу в море, чтоб не голодать...

— Аксолотли тоже люди (ме-а!), кому мне душу открывать?..

— Жестокая судьба прижала к круче...

— Глотаю слёзы я волны горячей...

— Ме-а... ме-а... ме-а... неужто суждено мне вечно по волнам блуждать?..

— Ловлю я рыбу, хвостиком виляю...

— Аксолотля гордость в море растворяю...

— И зажигает ночь танго, ча-ча-ча, румбу и рок-н-ролл!..

— Кто виноват, что я аксолотль (ме-а!) и мой удел тяжёл?..

13 февраля 20XX года, вторник

С момента великого исчезновения человечества прошло ровно тринадцать дней.

Первый этап — период хаоса.

Великая эволюция жизни вот-вот начнёт свой стремительный бег.

<http://bllate.org/book/19977/2028445>